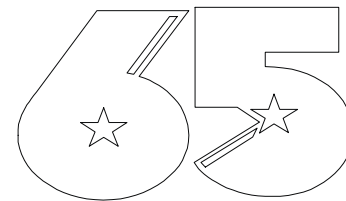

ДЕТИ ВОЙНЫ

65 ЛЕТ
Великой
Победы

В памяти детей, родившихся во время Отечественной войны, мало осталось впечатлений о том времени, но сохранились фотографии и воспоминания родителей и родственников. Такие материалы предложила нам для публикации Л.А. ГЕРШАНОК, доцент кафедры геофизики. Начинаем с истории В.А. ГЕРШАНОКА, дата рождения которого – 21 июля 1941 г.

Валентин Александрович Гершанок, профессор кафедры геофизики, представил отрывки из писем своей матери Гершанок Клавдии Ивановны, проживающей в начале войны в Москве, в Колпачном переулке. В письме сестре Татьяне, находящейся в эвакуации в Ульяновске, она пишет:

«У нас все товары продают по карточкам (по талонам), цена пока осталась прежней. Продукты на карточки дают так: хлеба рабочим 800 г, служащим 600 г, иждивенцам и детям по 400 г, сахару и конфет рабочим 1,5 кг в месяц, остальным 1 кг, масла любого рабочим 800 г, детям и служащим по 400 г, иждивенцам по 200 г, мыла по 2 куса в месяц. Дают еще мясо, крупу, селёдку. У нас еще ничего, хлеба хватает. Мама работает на старом месте, у нее есть рабочая карточка. Папа сейчас тоже работает. Как стала война, у нас в домоуправлении слесаря взяли на фронт и папа устроился на его место. Платят 225 руб. и дали рабочую карточку».

«Полина (старшая сестра) устроилась на работу медсестрой в госпиталь напротив ее дома, в 5-ю больницу. Теперь там госпиталь, лежат раненые бойцы и командиры. Ее вызывали в военко-

мат уже несколько раз, но пока освобождают до особого распоряжения. Митя (муж Полины) сейчас на фронте, находится под Москвой, в боях еще пока не участвовал, находится совсем недалеко от нас».

Уже Смоленск не наш, немцы все ближе к Москве. Около Ленинграда они и вовсе находятся на 50 км, наверно, многие уже выехали из города. Из Москвы тоже многие выехали и сейчас всем велят уезжать с детьми до 15 лет. Школы пока в Москве не работают. Говорят, что с 10 сентября будут заниматься только с 7 класса».

«Я сейчас не работаю. Валя у меня родился 21 июля, как раз в тот день, когда началась первая бомбежка нашей Москвы. Одна из бомб попала в дом рядом с родильным. С того дня начались почти ежедневные бомбежки, редкий день (вернее ночь), когда не бывает тревоги. В первые дни очень много было жертв, пожаров, разрушенных домов, а сейчас вот уже несколько дней нет тревог. Я живу здесь, в Колпачном, а то с 5 этажа у нас мне долго бежать с Валею во время тревоги в убежище».

«У тети Насти пол-дома обвалилось, попала бомба. У них в комнате тоже трещина. Они с Зоей переехали к тете».

«Сейчас Валя уже сильно подрос, уже смеется, он черный, очень похож на отца. Я себя чувствую уже хорошо. Шура (отец Валентина Александровича – начальник полевой геофизической экспедиции) все в Якутии, наверно будет там всю зиму. У нас в тресте остались только бухгалтерия да управляющий, а все полевые работники уехали в поле или в армию».

В декабре 1941 г. началось контрнаступление нашей армии под Москвой и фашисты стали отступать. Они поняли, что «блицкриг» провалился, война приобретает затяжной характер. Тогда они решили отрезать страну от Кавказа, который давал в то время почти всю нефть, и это обескровило бы нашу армию, остановило бы танки, самолеты и всю технику. Руководство страны решило начать поиски нефти в Волго-Уральской провинции, где еще до войны предсказывал на-

личие крупных месторождений известного нефтяник академик И. Губкин. Для поисков были мобилизованы все специалисты, не призванные к этому времени на войну. Так мой отец оказался в Поволжье, где уже в конце

1942 г. начались разведочные и поисковые работы на нефть. Впоследствии этот район долгое время оставался основным нефтедобывающим районом Советского Союза и не потерял своего значения в настоящее время.

По мере успешных действий нашей армии и изгнания врага из нашей страны район поисков расширился и в 1944 г. отца перевели сначала в Узбекистан, а затем в Туркмению, где он был управляющим Среднеазиатским геофизическим трестом, занимающимся поисками нефти и газа в этих республиках.

Ашхабад, 5 февраля 1945 г.:
«Устроились с квартирой мы неплохо, имеем 2 маленькие комнаты и одну большую. Сейчас живем в 2-х

маленьких и их отапливаем. Дрова у нас есть. В этом году здесь исключительно холодная зима, выпал снег и долго лежал. Старые люди говорят, что очень давно не было такой зимы. В дороге было очень холодно ехать. Как раз в тот день, как нам выезжать из Джар-Кургана, выпал снег».

«Здесь, в Ашхабаде, жизнь гораздо хуже из-за питания, чем в Джар-Кургане. Все очень дорого. У нас были взяты небольшие запасы, но уже кончаются, как будем дальше жить не знаю. Цены здесь такие: молоко 40-45 руб. за литр (что нас главное и разоряет), хлеб 80 руб. за кг (но нам вполне хватает и даже продаем), получаем по 650 г с Шурой и по 300 г. на детей. Мясо на базаре по 110-130 руб., яйцо по 150 руб., масло сливочное 600 руб., картошка 70 руб., лук 65-70 руб., так что с базара почти ничего купить. Иногда покупаю только мясо. Хорошо, что Шура дают карточку ответственного работника. В закрытом магазине получаем 7,200 кг мяса в месяц, 1,4 масла, 1,3 сахара, 3,6 муки, 3 крупы и еще кое-какую мелочь. Эти продукты продаются сверх карточки, по карточкам мы получаем прямо на работе 7,600 крупы, 6,200 мяса, 2,600 масла, сахар. Так что живем».

Семья прожила в Ашхабаде до 1950 г., а затем отец был командирован в Пермь для организации геофизических исследований на поиски месторождений нефти и газа.